Девушка с белым лицом

Автор:
Владимир Колычев

Девушка с белым лицом

Владимир Григорьевич Колычев

Роковой соблазн

Вернувшись с корпоратива, Макс обнаруживает в своей квартире странную гостью. Назвавшаяся Ритой девушка как две капли воды похожа на недавно погибшую жену известного бизнесмена. Несчастную изнасиловала и утопила в реке шайка подонков… Макс не прочь приударить за Ритой, да и она готова ответить ему взаимностью. Идиллию нарушает известие о гибели одного из друзей Макса. Тот тоже утонул, и случилось это там же, где до этого погибла жена бизнесмена. Случайность? Неожиданно молодого человека поражает леденящая душу догадка: это не роковое совпадение, а начало самой настоящей мести…

Владимир Колычев

Девушка с белым лицом

© Колычев В.Г., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Затмение накатывало волнами – зелеными, как змий, и солеными, как припудренные края стакана с текилой; то темнота, вихрящаяся в мерцании космической пыли, то просветление – мутное, как отражение в тихом омуте. То тишина с шипящими пузырьками газа, то музыка, смешанная с пульсирующим шумом в барабанных перепонках. И еще в ушах блуждало эхо знакомого мужского голоса, переходящего в крик… Зеленые волны смывали с берега обрывки разума, песчинки мыслей разбегались по расщелинкам, извилинкам, брюхоногие моллюски расхватывали их, растаскивали по своим ракушкам. В голове – морское дно, перед глазами – русалка. С головой белки. Ушки как кисточки, глазки как орешки, зубки как пилы. А платье – серебристая чешуя, из которой вываливались, бросаясь в глаза, силиконовые плавники третьего размера. Элли стояла надо мной, рисованные бабочки на ее ногтях щипали меня за плечо.

Элли молчала, но я хорошо знал свою бывшую жену и умел читать по ее глазам, в каком бы обличье она ни была. Перебрал я с текилой – дошел до белки, пора поворачивать назад. И Элли мне внушала, и сам я понимал. Впрочем, это я понял еще давно, даже собрался уходить, но застрял в холле ночного клуба. Там белочка меня и нашла. В компании с бобром.

Антон и на трезвый взгляд был похож на бобра. Зауженная сверху голова, широкая переносица, раскиданные по сторонам глазки, такие же черные, как сопливые глубины в его ноздрях; выпирающие верхние резцы, приземистое тело, короткие лапы. Хваткий, цепкий, зубастый – если задастся целью, любое дерево перегрызет, плотину поставит, реку запрудит.

– Давай, давай… – звучал его голос, перекликаясь в моей голове с отзвуками крика.

Сначала этот хам отбил у меня бизнес, потом жену, теперь вот с корпоратива гонит: лишний я здесь…

Поднимаясь с дивана, я, казалось, погружался на морское дно, а где-то наверху, над водой, булькал голос Антона:

– Давай… Такси уже ждет…

В машине сильно пахло ароматизатором, под зеркалом, болтаясь на веревочке, прыгал чертик, из колонок тихо сочилась музыка моей молодости, она звала меня в прошлое. Но приехал я в настоящее.

В межквартирном тамбуре горел свет, вокруг лампы порхал мотылек, по стенам прыгала мелкая вертлявая тень. Я полез в карман за ключами, меня повело в сторону, рука зацепилась за железную дверь аварийного отсека, в котором находился гидрант и пожарный шланг. А на полу лежала, свернувшись в комочек, белая кошечка. Она смотрела на меня так жалко, так испуганно – я просто не мог пройти мимо…

Волна схлынула, из окна, просеянный через сито кружевного тюля, струился утренний свет. Очень хотелось пить, воображение перенесло меня на кухню, к холодильнику, за дверцей которого стояла бутылка минеральной воды, а на полке – пара пива. Осталось только подняться и переместить по мысленному курсу непослушное тело, не забыв прикрепить к нему тяжелую похмельную голову, которая и должна была сделать выбор – пиво или вода?

Кровать обиженно скрипнула, босые ступни шлепнулись на теплую гладь паркетного пола, давно не крашенного, но все еще хранившего блеск славного прошлого. Когда-то в этой квартире бурлила жизнь: мы с Элли, полные надежд и стремлений, планировали свое будущее – верхом на таком же светлом настоящем. Наша с Антоном фирма закрепилась на московском рынке, мы с Элли купили квартиру, завернули эту конфетку в глянец евроремонта, обставили, обжились, какое-то время шли к вершинам успеха. Сначала отвалились перила, затем разломилась пополам и лестница, я остался на нижней половине, а Элли продолжила путь по верхней…

Босиком, в трусах, с голым торсом я вышел из спальни в гостиную и застыл, как двоечник на картине Репина, увидев юную девушку, которая сидела на моем кожаном диване, подобрав под себя ноги, с подушкой в обнимку. Классический прямой «боб» на русые волосы, глаза – два голубых алмаза без огранки, ювелирной чистоты, но с какими-то мутными отложениями в глубинах. Сизый дым там, подсвеченный холодными фосфорными огоньками. Курносенькая, с ямочками на щечках, губки пухленькие, но расплывчатые, как облака, ротик маленький, на правой щеке помятость после ночного общения с подушкой. Длинная шея, узкие плечи, тонкие руки – худенькая, бесформенная. Волосы густые, тяжелые, такие завить можно только «химией», подушкой за ночь не взлохматить, как ни старайся. Футболка на ней с черным глазом в белой пустоте,

джинсы с высокой талией и рванинкой на коленке, желтые носочки. А ступни маленькие – максимум тридцать пятого размера.

– Ты мне снишься? – спросил я.

Девушка едва заметно качнула головой. Она внимательно смотрела мне в глаза, как будто хотела знать, в своем я уме или всего лишь не проспался. А возможно, умственная отсталость – мой пожизненный крест, который вот-вот свалится ей на голову. Я или сам буйно наброшусь, или мой лечащий врач придет и выставит ее, несчастную, за дверь. А уходить моя гостья не желала, не звучал в ней сигнал тревоги, который заставляет соскакивать с места и забиваться в угол. Не может человек обидеть бедную синичку, которую спасал от голодной смерти на протяжении долгой и лютой зимы. Не мог я обидеть эту птичку, и она как будто это знала. Но когда я успел приручить и прикормить это несчастное существо?

– Тогда извини.

Я вернулся в спальню, надел футболку, влез в шорты. В майке мне комфортней, жировые отложения на животе не так бросаются в глаза, еще бы второй подбородок убрать… Запустил я себя в последнее время: весна уже на исходе, на носу пляжный сезон, а я даже не пытаюсь привести свое тело в порядок. «Совсем стыда нет», – говорят в таких случаях. Так, может, это сама совесть меня навестила? Призвать к порядку, наставить на путь истинный и выписать абонемент в фитнес-клуб… Открывая дверь, я усмехнулся и даже поднес к виску палец. Вчера белочка, сегодня синичка… пить надо меньше, тогда и мерещиться не будет, и дурные мысли не будут посещать голову.

Но видение не исчезло: девушка сидела на диване, все так же обнимая бархатную с бахромой подушку. И смотрела на меня с той же настороженностью, но без страха.

– Сейчас! – Я поднял указательный палец и поднес его к носу.

И даже нажал на его кончик, как будто это была кнопка «Пауза». Мне действительно удалось остановить момент. Я прошел на кухню, открыл холодильник, взял бутылку воды. Из двух банок пива оставалась одна, я обратил на это внимание, но не придал значения.

Пропустил пару стаканов минералки, вернулся в гостиную – девушка сидела в прежней позе. И смотрела на меня с едва заметной насмешкой. Если она – плод моего больного воображения, то теперь я знаю, как улыбается белая горячка.

– Давай рассказывай.

Я опустился в кожаное кресло, но сделал это слишком резко: высокое мягкое сиденье просело под тяжестью тела, шумно выпуская из себя воздух. Девушка посмотрела на меня так, как будто подозрительный звук вышел из меня. Вот-вот, казалось, ее губы разойдутся в ехидной усмешке.

– Васена, – тихо сказала она.

– В смысле Василиса? – догадался я.

– Ты меня вчера так назвал.

Я озадаченно смотрел на гостью. Должно быть, в моем взгляде сквозила обида. Мне уже тридцать восемь, я годился этой пигалице в отцы, а она со мной на «ты». Как будто я какой-то неудачник, не достойный уважительного к себе отношения.

Да, я потерялся в этой жизни, блуждал в потемках перед закрытой дверью, но было время, когда мне везло. Мы с Антоном достигли многого, прежде чем я остановился. Захотелось вдруг вырваться из колеса, в котором я крутился, как белка, выбраться из этой шумной беспокойной клетки. Меня потянуло в большой мир, мы с Элли отправились в кругосветное путешествие, побывали на всех континентах, кроме Антарктиды. Мы любовались цветными скалами в Китае, занимались любовью в «Море звезд» на Мальдивах, загорали на скрытом пляже в Мексике, спускались в «Колодец Иакова» в Техасе.

Антон же тем временем рыл яму. Под меня. Мы владели компанией в равных долях, но хитрый маневр помог ему размыть мою долю и снизить ее до тридцати процентов. Антон загнал нас в угол, из которого Элли быстро нашла выход. Она ушла к Антону, а через год нанесла мне очередной удар. Мы прожили в браке шесть лет, но с ребенком у нас не ладилось, зато Антону она родила сына ровно в срок. Тем самым подчеркнув мою ущербность…

– Я назвал? – спросил я, копаясь в пустотах памяти.

– Я что, похожа на кошку?

Юная гостья как будто почувствовала свою вину передо мной, примирительно улыбнулась. Взгляд ее стал еще ярче, но тепла в ее фосфорных огоньках больше не стало.

– Да нет. – Я озадаченно провел рукой по затылку.

Орегонский «Колодец Тора» – это прибрежная каменная воронка, уходящая в глубь земли на несколько метров. Во время прилива она заполняется водой, которая затем выстреливается вверх шестиметровым фонтаном. А в мой провал памяти влился вчерашний вечер – в фонтане воспоминаний я увидел белочку, бобра и белую кошечку в аварийном отсеке межквартирного тамбура. От белочки и бобра я уехал, а белую кошечку… Неужели взял домой?

– Молока мне хотел налить. – Девушка смотрела на меня с теплой благодарностью и едкой насмешкой одновременно.

– У меня было молоко?

– У тебя было пиво.

– А сколько тебе лет?

Выглядела «Васена» очень молодо, но черты ее лица вполне оформлены, в глазах проглядывался какой-никакой жизненный опыт, скорее всего ей уже исполнилось восемнадцать лет. Во всяком случае, я надеялся на это. Хотя и сомневался. Столько нежности в ее чертах, плечики хлипкие, как крылышки неоперившегося воробушка. Но взгляд все же недетский, и прическа – как у взрослеющей девушки.

– Пиво ты выпил сам, – усмехнулась она.

– А что ты делала в подъезде?

– На самом деле я – кошка. – Ее лицо стало серьезным: окаменело все до последней черточки, взгляд остановился. – Просто по субботам превращаюсь в человека.

Все понятно: «Васена» разыгрывала меня, я ждал, когда она моргнет. Но девушка продолжала смотреть на меня, не мигая. И так она могла смотреть сколько угодно долго, запас ее прочности казался неиссякаемым. Было в ней что-то мистическое… Может, она действительно кошка?

Тогда моя бывшая – белочка, и ей на роду написано жить с бобром? Я усмехнулся, представив, как Элли убеждает меня в справедливости своего выбора.

– Шутишь?

«Васена» даже не шелохнулось, но при этом, как мне показалось, качнула головой. Нет, не шутила она, и я должен был это понимать.

– Шучу. – Но в ее ответе слышалось совсем другое.

– Я так почему-то и подумал, – натянуто улыбнулся я.

– Просто мне нужно было спрятаться.

– От кого?

– От собак.

«Васена» удивленно смотрела на меня. Действительно, от кого еще может убегать кошка, как не от собаки?

– Мне нужно проветриться, – сказал я, поднимаясь.

И еще неплохо было бы просушить закисшие мозги. В похмельной закваске, как известно, присутствуют галлюциногенные бактерии, холодное пиво могло снять брожение или, напротив, обострить его. За пивом я и пошел на кухню, но по пути сделал остановку в прихожей, открыл входную дверь, заглянул в пожарный

отсек. Метр вглубь, столько же в ширину и вверх – «Васена» могла поместиться в этом кубе, достаточно было свернуться калачиком или просто сесть, обняв коленки руками.

Поворачивая назад, я задал себе вопрос: «Интересно, дверь в тамбур была открыта, когда я вчера ночью возвращался домой?» Ответ так и остался в провале памяти.

Я зашел в квартиру, закрыл за собой дверь, только после этого глянул на свои босые ноги. Что это со мной? Когда это раньше я позволял себе выходить из дома босиком?

Холодное пиво взбодрило кровь, освежило чувства, в голове просветлело. Обострилась потребность вымыть ноги и надеть тапочки. Но сначала нужно было разобраться с «Васеной», если, конечно, она не исчезла.

Из прихожей через арку виден был телевизор с большим экраном, в котором должна была отражаться моя гостья. Я осторожно глянул на экран, но девушки не увидел. И озадаченно пожал плечами. Хорошо, если моя больная фантазия исчезла, но вдруг мое помешательство не временное, может, по мне плачет палата номер шесть?

– Собак в дом не запустил? – внезапно спросил знакомый голос, заставив меня содрогнуться.

Я еще раз глянул на экран телевизора и снова не увидел «Васену». Также не отражался и диван, на котором сидела девушка. А она там была, я видел ее, она перемещалась из прихожей в гостиную.

Похмелье давало о себе знать – я сбился с курса, меня повело в сторону, нога зацепила журнальный столик, покачнулась стоящая на нем ваза без цветов.

«Осторожно!» – услышал я.

«Васена» молчала, я точно это знал, но почему же в ушах прозвучал ее голос? Может, я научился читать ее мысли? Или она умела внушать их на расстоянии: существуют же телепаты, которые работают как на прием, так и на передачу…

Похоже, мне самому нужно на прием. К врачу.

Я опустился в кресло, внимательно посмотрел на девушку. Она не изменила позу, все так же обнимала подушку, прижимая ее к груди.

– От кого ты прячешься?

– Не прячусь. Просто живу… – сказала она и, немного подумав, добавила: – У тебя.

– А если я тебя попрошу? – Я кивком показал на дверь.

– Уйду, – пожала она плечами.

Я снова кивнул, указывая на дверь. Но вслух свое требование озвучить не смог. Как я мог выгнать из дома этого наглого, но, в общем-то, жалкого котенка? Мир так жесток – люди его затопчут, собаки загрызут, и никому не будет до этого дела. Даже мне… Я ведь постараюсь придумать себе оправдание, возможно, даже смогу вычеркнуть сегодняшнее утро из своих воспоминаний. Современный человек обладает способностью к социально-психологической адаптации, умеет приспосабливаться к патологическим изменениям в окружающей действительности, именно это и делает общество равнодушным и даже подлым. И я всего лишь кусок дерьма в этом течении в никуда. И ничего не могу с этим поделать, потому что органически вплетен в жестокую природу человеческого социума… Да-да, я уже научился успокаивать свою совесть, и это мне может скоро пригодиться.

– Я пойду.

«Васена» поднялась и вышла из комнаты. В прихожей стояли маленькие стоптанные кроссовки детского размера, на вешалке висела джинсовая курточка – тонкая, холодная, с порванным рукавом, такая не защитит, не согреет. В груди у меня сжалось и заныло, когда девушка стала обуваться. Вид у нее был – как у собачонки, которую выгоняли на мороз, на верную смерть, от волнения у нее дрожали пальцы, она никак не могла завязать шнурок.

– Где ты живешь? – спросил я.

– Нигде.

– А родители?

Девушка снова вздохнула, но ничего не сказала.

– А если собаки?

– Не отпускай меня. – Она поднялась, посмотрела на меня, ее глаза наполнились слезами.

Я взял ее за руку, провел пальцами по внутренней, самой нежной стороне локтевого сгиба. Достаточно было просто посмотреть на руки, нет ли на них следов от укола, но мне вдруг захотелось прикоснуться к девушке, почувствовать тепло ее тела. Мне стало стыдно, я опустил голову, отступил назад. Может, я и кусок дерьма, но точно – не педофил.

– Я не наркоманка. – «Васена» правильно поняла меня. – И не воровка. Просто мне нужна твоя помощь.

Она умоляюще смотрела на меня.

– Как тебя зовут?

– Рита. Мне восемнадцать лет. Больше ни о чем не спрашивай.

– Почему?

– Я остаюсь? – спросила она и, не дожидаясь подтверждения, стала разуваться.

– Ну, хорошо.

Я не хотел отпускать Риту, но и остаться ей разрешал скрепя сердце. «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным». Как будто дятел стучался в мою голову, выковыривая паразитов из мозговых извилин. Но червячков становилось все больше, они облепили мое сознание, впрыскивая в него яды, разъедающие

волю к сопротивлению.

– А молока у тебя правда нет, – сказала Рита.

– И пива тоже, – кивнул я.

– Но ты же что-нибудь придумаешь?

Я кивнул, взял переносную трубку стационарного телефона, набрал вбитый в память номер, заказал две пиццы с сыром, ветчиной и грибами.

– Можно я приму ванну? – спросила Рита и почему-то поежилась, глядя на меня с надеждой.

– Холодно? – спросил я.

Отопительный сезон уже закончился, но в квартире достаточно тепло. А Рита мерзла: возможно, ее одолевал внутренний холод – так бывает, когда на душе леденящий страх.

– Принеси, пожалуйста, полотенце, – не ответив на мой вопрос, попросила она.

В квартире беспорядок, но ванна чистая: раз в неделю приходила женщина из клининговой компании, генералила комнаты, начищала до блеска зеркала, фаянс и прочую сантехнику. И все же я взял тряпку, капнул на нее обычного жидкого мыла, кое-как протер ванну. Сполоснул, заткнул нижний слив, установил температуру, включил воду. Глянул на стиральный автомат, выбил пальцами барабанную дробь по верхней панели, пожал плечами. Если Рита захочет постирать свою одежду, пусть попросит сама, девочка она не стеснительная.

Переезжая к Антону, Элли забрала все свои лучшие вещи, старье оставила мне, в том числе и велюровый спортивный костюм зеленого цвета с красной ящеркой на груди.

Когда-то Элли была такой же маленькой и худенькой, как Рита, но даже после свадьбы она продолжала расти вверх и немного вширь. Она не растолстела,

просто стала крупней. Костюм очень быстро стал для нее маленьким.

Жизненные запросы ее тоже росли, поэтому она выбрала более успешного Антона, оставив мне разочарование в женщинах и спокойное одиночество, в котором я мало-помалу атрофировался как личность. И жил как растение в тепличных условиях, на дивиденды со своей доли в бизнесе. Я даже не знал, нравится ли мне такое затхлое существование. Наверное, да, если я не замерзал, не страдал в этом прозябании. Счастья не было, но так я в нем, возможно, и не нуждался. И все же нужно было что-то менять, я это понимал, но продолжал плыть по течению, оставаясь при этом в прошлом, тогда как нормальные люди жили настоящим.

Дверь в ванную комнату была открыта. Рита сидела на стиральной машине, по-взрослому думая о чем-то важном, а ногами болтала по-детски, безотчетно постукивая пятками по стеклянной крышке загрузочного люка. Вода лилась шумно, под напором, упругая струя взбивала пену – поднималась гора из мыльных, лопающихся пузырьков. Я положил рядом с Ритой сложенный стопкой спортивный костюм, чистую белую футболку, не забыл и о полотенце. Немного подождал, выключил воду.

– Будешь тонуть, кричи! – сказал я, собираясь выходить из ванной.

– Дедушка заставлял меня петь, – думая о чем-то своем, улыбнулась Рита. – Если не пою, значит, утонула.

– А если утонешь, домой не приходи.

Рита повернулась ко мне, пристально посмотрела в глаза и кивнула с подобием улыбки на губах.

– Дедушка тоже так говорил.

– Где он сейчас? – спросил я.

Вместо ответа Рита мягко приложила к моей груди ладонь, несильно надавила, выталкивая меня из ванной. И закрыла дверь на замок.

«Не подглядывай!» – услышал я.

Не говорила она ничего, я точно это знал, мог даже побиться об заклад, но голос был. Опять она телепортирует свои мысли? А может, это во мне заговорила совесть? Но так я же и не собирался подглядывать, даже не задумывался об этом.

Я прошел на кухню, встал у окна, нащупал пальцами обломок пластикового стержня, повернул широкие тканевые ламели вертикального жалюзи, глянул вниз. Ольха на ветру колышется, рукоплещет листиками-ладошками, припаркованы автомобили в два ряда, дворник-таджик возится возле мусорных баков. Женщина в мешковатом платье идет, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, как жирная утка, впереди нее едет мальчик на самокате, кивком подзывает к себе маму. Собак не видно.

Я зажмурил глаза, тряхнул головой. Какие собаки? Какие кошечки? Рита не издевалась надо мной, я сам позволил ей сесть себе на шею. Был под «белкой», принял ее за кошечку, привел в дом, а если я такой добрый, то почему она не может ездить на мне?..

Но не могу же я выставить ее за дверь! Или могу?.. Если она не наркоманка, то вполне могла быть аферисткой или даже убийцей. Если ее разыскивает полиция, у меня могут возникнуть проблемы – припишут соучастие, отправят за решетку, а я так далек от грязной тюремной суеты. Жизнь моя – пресная и унылая, но в ней тепло и даже комфортно. Отличная квартира, игровой компьютер, масса свободного времени и – никаких проблем. Кроме головной боли по субботам, с похмелья. Это образно, потому что выпить я мог в любой день. И девочку по вызову навестить, если вдруг приспичит: было у меня несколько вариантов на выбор, нужно только оплатить, можно через банк онлайн. Не так уж плоха жизнь в мире, где все продается и покупается. Если есть деньги. А мир в клеточку и друзья в полосочку – это не для меня.

Принесли пиццу, я ее принял, расплатился по чеку, слегка добавил сверху. Убрался на кухне, вытер стол, расставил чистые тарелки, задал работу кофейной машине. Рита все не появлялась.

Я подошел к двери в ванную, прислушался. Тишина. Может, мое утреннее видение уже растворилось в мыльной воде? Если так, то я и сам приму ванну и

растворю в пене свою головную боль. И милостиво посмеюсь над собой, вспоминая нежный образ, который создало мое похмельное, раздраженное одиночеством воображение.

– Почему не поешь? – громко спросил я, легонько стукнув по двери.

– Плачет девушка в автомате!.. – нараспев донеслось из ванной. – Кутаясь в зябкое пальтецо!.. Вся в слезах и в губной помаде…

Я пожал плечами. Песня, конечно, хорошая, бодрая и душевная, но как-то уж слишком древняя для юного поколения. Это песня молодости моей мамы или даже бабушки. Когда я был молодым, она звучала в перепевках девяностых годов… «Плачет девушка», «зябкое пальтецо», «перепачканное лицо»… Возможно, Рита пела о своей личной трагедии. Несчастная любовь, слезы в подушку, сгоряча высказанные обиды, пощечина в ответ. Сбегая от своих бывших парней, девушки почему-то уходят из дома. Возможно, родители сбиваются с ног в поисках заблудшей дочери, а я купаю ее в своей ванне. И тешу свое самолюбие.

Рита замолчала, какое-то время было тихо, затем полилась вода. Чуть погодя зашумел фен, напоминая мне о бывшей жене, которая жить не могла без этого исчадия технического прогресса. Звук фена въелся в мой мозг, он аллергически вызывал головную боль, а мог вогнать и в депрессию. Этот шум и сейчас раздражал, но по другой причине. Мне нужно было серьезно поговорить с Ритой, а она задерживалась.

Наконец, Рита вышла из ванной. Спортивный костюм был ей великоват, сидел мешком, ну, так никто и не ставил задачу добавить эротичности в образ. Да и Рита не пыталась изображать из себя роковую женщину. Глаза у нее слипались, маленький ротик скривился в зевке, который она попыталась, но не успела закрыть рукой.

– А можно я немного посплю? – Она спрашивала моего разрешения, ничуть не нуждаясь в нем.

Что это, святая простота или наивная беспардонность? В любом случае девочка уже нащупала слабое звено в моей обороне и даже подобрала ко мне ключик. Я должен был сопротивляться, но как можно отказать девушке во сне? Я же не

садист какой-нибудь, пусть поспит немного, если невмоготу, а потом уже милости просим на выход, к папе и маме.

– Сначала пицца, – сказал я.

Рита кивнула, прошла на кухню, плюхнулась на стул и капризно качнула головой. Подать ей пиццу, кофе, сигарету… Табаком от нее вроде бы не пахло, но, если она курит, меня это не удивит.

Я подогрел пиццу, снова приготовил кофе, подал все горячим. Рита кивнула в знак благодарности, взяла кусок руками, откусила с острого угла и тихонько чавкнула в знак одобрения.

– Что ты там говорила про дедушку? – спросил я.

– Говорила. Ни о чем не спрашивать, говорила.

– А если дедушка тебя ищет?

– Если найдет – убьет… – кивнула она. И, набив рот, добавила: – Тебя!

– За что?

– Дедушка не верит в платоническую любовь.

Что-то в этом роде я и ожидал услышать, но все равно слегка подвис, даже палец к подбородку поднес – подтолкнуть застывшую нижнюю челюсть.

– Э-э…

– А я верю! – Рита положила свой кусок на тарелку, отхлебнула из кружки, поднялась и преспокойно повернулась ко мне спиной.

– Там у тебя кровать в комнате, можно я прилягу? – донеслось из коридора.

Дверь в третью комнату открывалась бесшумно, но Рита умудрилась скрипнуть ею. Или это просто смазка в петлях засохла. С тоски.

Маленькую комнату мы с Элли планировали под детскую и обставили ее соответствующе. Нельзя было этого делать, не советовали нам покупать мебель для неродившегося ребенка, но мы же люди современные, далекие от суеверий. Потому и не получилось у нас ничего с ребенком, обставленная комната так и осталась бесхозной. Кроватка там не совсем детская – Рита могла спать на ней в полный рост.

Белье – в шкафу, но доставать его оттуда я не рискнул. Вдруг дедушка объявится, а внучка в чужой постели, под одеялом и без одежды. Нет уж, пусть спит поверх покрывала, в спортивном костюме, сворачиваться калачиком она умеет. Наволочка на подушке чистая.

Да уж, только дедушки мне сейчас не хватало…

Рита закрылась в одной комнате, я прилег в другой. Похмельное недомогание заявляло о себе, хотелось спать, но за гостьей нужен был глаз да глаз, к этому призывал голос разума.

Но в то же время: Рита провела у меня почти всю ночь и утро, если бы она хотела, то давно бы обнесла квартиру. А ценных вещей на виду немало, один только игровой блок чего стоит – тридцать два «гига» оперативной памяти, первая космическая скорость.

Мне очень хотелось спать, а так бы сидел я сейчас за компьютером, покорял Землю – континент за континентом… Или я уже в игре? Просто нахожусь в процессе перезагрузки. Скоро проснусь, а Риты нет и никогда не было. Хорошо бы так…

Я проснулся в звенящей тишине, никогда еще в моей квартире не было так тихо. За стенами не стучали, машины за окнами не шумели, из детской комнаты ни звука, только слышно, как тикают часики на трюмо.

На часах половина седьмого вечера, я проспал почти полдня, и некому было меня разбудить. Рита – всего лишь безответственная и даже коварная игра моего воображения. И ее фраза о платонической любви родилась в моем

сознании неспроста. Таилась в душе потребность любить чисто, нежно и жертвенно. Вот я и влюбился – в свою фантазию, а она возьми да исчезни. И в этом не было ничего хорошего. Привиделась мне Рита или нет, но я уже не хотел оставаться без нее.

Я вскочил с кровати, открыл дверь и облегченно вздохнул. Рита сидела на диване и увлеченно читала книгу. Она, казалось, жила в том мире, в который себя погрузила, даже глаза мерцали в отсветах межстрочных страстей. А библиотека у меня небедная, все книги в чинных благородных переплетах, писатель к писателю, эпоха к эпохе.

Рита услышала, как открылась дверь, но на меня переключилась не сразу. Посмотрела отстраненно, тускло. Книгу она закрыла, но ее мысли остались где-то там, под переплетом, на «муромских дорожках» под сенью «лукоморских дубов».

– Что читаешь?

– Да так.

Я подошел к ней, глянул на книгу с золотым тиснением на обложке.

– Жюль Верн?

– «Таинственный остров». Я как раз начинала читать, когда… – Рита осеклась.

– Что когда?

– Ничего.

– Все у тебя «ничего». А «Таинственный остров» – это инструкция по изготовлению динамита.

Я точно не помнил, насколько подробно Жюль Верн описал нитроглицерин и процесс его изготовления, но интересного почерпнул немало.

– Мне динамит не нужен, – оживилась девушка.

– В интернете можно узнать, – кивнул я.

И задумался. Стол с компьютером находился в моей спальне, но в гостиной лежал айпад, пароль для запуска не требовался, но Рита даже не прикоснулась к планшету. Не посмела включить, не спросив разрешения? Но книгу-то с полки взяла без спросу, даже «спасибо» не сказала.

– Зачем?

– Вдруг ты террористка?

– Я не террористка и не наркоманка.

– А прячешься от кого?

– От дедушки.

– Стесняюсь спросить, почему?

– Потому что достал!.. То нельзя, это нельзя…

– А родители?

– Родители… – Рита внутренне напряглась, сжалась, как пружина, голос ее завибрировал, задрожал, как задетая пальцем до предела натянутая струна. – Нет у меня родителей… Мама когда-то была…

Я всего лишь открыл рот, чтобы задать вопрос, но Рита набросилась на меня:

– Не надо ничего спрашивать!

В ее голосе я услышал звон лопнувшей струны. Внутренняя пружина разжалась, девушка вскочила с дивана и застыла, как морская фигура на счет «три». Казалось, из какой-то своей игры она возвращается в реальность, мимические мышцы лица постепенно расслаблялись, уголки рта распрямлялись.

– Извини, – выдавила она.

– Да нет, это ты извини.

Мне захотелось успокоить, утешить ее, я поддался порыву чувств, обнял Риту за плечи, привлек к себе. Только тогда и очнулся, отдернул руку, отстранился. Я сам похож был на перетянутую струну: дрожала каждая клеточка тела, сознание входило в фазу хаоса. Я должен был срочно взять себя в руки.

– Меня воспитывал дедушка, мы жили с ним в деревне, он запрещал мне пользоваться интернетом… – быстро проговорила она, пытаясь уместить в одной фразе всю свою прошлую жизнь вместе с переживаниями, с ней связанными. – Он много чего мне запрещал, в конце концов, мне все это надоело.

– И ты сбежала от него в Москву.

– Села в первый попавшийся поезд, – сказала она.

– А все дороги ведут в Москву.

– Дедушка меня догнал, я от него сбежала, потерялась…

– А я тебя нашел.

– Мне кажется, дедушка где-то рядом.

Рита приложила кулачки к своей груди, сжалась в комок и прильнула ко мне. От волнения у меня ухнуло сердце, я почувствовал себя медным колоколом, по которому ласково провели рукой – в душе тихонько зазвенело, запело, но там же звякнул тревожный колокольчик.

– Ничего, походит вокруг, побродит и уедет. А ты ему потом позвонишь.

Я обнял Риту и почувствовал, как от перенапряжения чувств немеет рука. Меня охватило чувство нежности, как мать, которая обнимает своего ребенка после разлуки. Если мать не в себе, от сильной любви она может задушить сына в своих объятиях, настолько же опасна и сумасшедшая нежность, силу которой я

испытал на себе.

Я задыхался от переизбытка чувств, мне нужна была передышка, но Рита сама отстранилась от меня, виновато посмотрела в глаза.

– Он охотник, он будет искать до последнего.

– Уже нашел бы, если б смог.

– Может, и не найдет, – пожала плечами Рита. – Но все мои документы у него.

– Тебе не нужны документы. Пока ты со мной, – уточнил я.

– Ты позаботишься обо мне? – Она смотрела на меня с тревогой и опасением, как будто я мог отказать ей.

– Даже не сомневайся.

– Ну, хорошо, – успокоилась она.

И вернулась на диван, взяла книгу, быстро, без суеты нашла нужную страницу, улыбнулась в предвкушении, заерзала, устраиваясь поудобней. И дедушка ее перестал волновать, и обо мне она забыла. Что это – волшебный мир книги, олимпийское спокойствие или душевная аномалия?

Мне тоже нужно было успокоиться. Я отправился в ванную, принял душ, начисто побрился, привел себя в порядок… но не в чувство.

Я был переполнен Ритой, меня притягивало к ней, как планету к солнцу. Сближаться с ней было опасно – сгоришь, но я мог вращаться на ее орбите, согреваясь в теплых лучах. Вращаться вечно. Достаточно было подсесть к этой чудесной девушке, закрыть глаза и просто пропускать через себя исходящие от нее волны завораживающего тепла. Для полного счастья мне могло бы хватить и этого, поскольку я чувствовал себя вывернутым наизнанку, чувствами наружу.

Глава 2

Утро застало меня врасплох. Где Рита? Вдруг она ушла? Эти вопросы поставили меня в тупик. Я вдруг увидел себя в извилистом лабиринте со стенами двухметровой высоты и сразу же нашел выход – вскочил с кровати, оделся, вышел из комнаты и осторожно заглянул в детскую. Рита спала, свернувшись калачиком, и тихонько сопела. Прилив нежности вызвал чувство неловкости, заставил закрыть дверь.

Я улыбнулся, вспоминая свой лабиринт. Зачем биться головой о стену, если через нее можно просто перелезть?.. Но смогу ли я преодолеть двухметровый забор в реальности? Я уже и на турнике, пожалуй, не смогу подтянуться.

Улыбка сошла с лица. Я уже не молод, не в форме, не в моем положении мечтать о молоденькой девочке, для которой все еще только начинается. Пора браться за ум и спускаться с небес на землю…

А может, мне нужно сбросить вес, поднять мышечный, а вместе с тем и жизненный тонус? Тридцать восемь лет – это далеко не предел. Отец говорит, в шестьдесят лет все только начинается… Отцу моему шестьдесят два, столько же, примерно, и дедушке Риты. Я на самом деле годился ей в отцы.

Спортивную индустрию в моем доме представлял только велотренажер со сломанным переключателем скоростей. Были еще маленькие гантельки, брошенные моей бывшей женой при отступлении. Это не святые мощи, слезные воспоминания они уже не навевали, и я спокойно мог пользоваться гантельками по их прямому назначению. Но этого мало – по килограмму в одну руку.

Я вспомнил о тренировочной площадке в шаговой доступности от своего дома. Там и турник, и силовые тренажеры, даже в теннис можно поиграть или мяч в баскетбольное кольцо забросить.

Из шкафа я достал спортивные шорты, футболку-стрейч. Оделся, встал перед зеркалом, расстроенно шмыгнул носом. То ли футболка мала, то ли жировая прослойка на животе увеличилась. Да и шорты как-то не очень смотрятся.

От своей затеи я не отказался. Надел рубашку, джинсы, кроссовкам предпочел туфли. Выгуливал человек собаку, занесло на спортивную площадку, походя взялся за снаряд – пусть все так и думают… Только вот собаки у меня нет. А мог бы завести. Вместо жены. И заботиться было бы о ком, и не скучно… Но не было собаки, как не было и потребности о ком-то заботиться. Неужели я эгоист, пропащая душа?..

Этот вопрос терзал меня все восемь этажей, пока спускался лифт. Во дворе я успокоился. Этому поспособствовал как свежий утренний ветерок, так и собачья кучка, в которую меня едва не занесло на повороте. Действительно, зачем заводить собаку, когда и без того все улицы в говне?

На том же тротуаре, на перекрестке двух дорог, я увидел рослого пожилого мужчину с массивной головой на сильной шее. Широкий лоб, крепкий нос, тяжелый подбородок, мышечный тонус лица еще вполне себе, но вся кожа в мелких морщинах, особенно вокруг глаз. Волосы жидкие, темные, посеребренные сединой, брови густые, черные, как у молодого. Взгляд спокойный, но цепкий, запоминающий.

Мужчина смотрел на меня пристально, оценивающе, почва под ногами стала вдруг зыбкой, чувство опоры не исчезло, но расшаталось. Вдруг это и есть тот самый дедушка, о котором говорила Рита? Ходит вокруг дома, ищет свою внучку, выслеживает, как охотник – дикую уточку.

А мужчину можно было принять за охотника. Прицельный взгляд, сильные руки, крепкие ноги; плечи, правда, опущены под тяжестью лет, но все равно смотрелся он внушительно, стоял уверенно. Ему бы рогатину в руки и медведя навстречу, и не испугается ведь, пойдет и убьет.

А меня он мог одолеть и вовсе без рогатины – обхватит своими ручищами, сожмет в железных объятиях, может, и насмерть раздавит. Я-то, конечно, буду сопротивляться, но хватит ли мне сил сладить с ним? Ответ на этот вопрос я, к счастью, не узнал. Могучий старик даже не стал останавливать меня, когда я проходил мимо. Не окликнул, взглядом не проводил, но настроение мне испортил.

Я обошел дом и вернулся к своему подъезду, подозрительный тип к этому времени успел исчезнуть. Возможно, он просто пошел за мной, стараясь не

привлекать к себе внимания, как это свойственно бывалым охотникам. Я оглянулся, но увидел только пышноволосую женщину из соседнего подъезда, с которой однажды чуть не поругался из-за обоюдных претензий на парковочное место.

Эксперимент со спортивной площадкой я перенес на завтра. Поднялся к себе, заглянув по пути в почтовый ящик – вдруг там лежит письмо с пиратской черной меткой. Ничего такого я не обнаружил, но недоброе предчувствие вихрилось вокруг меня магнитным полем до самой квартиры, а на пороге вдруг навалилось всей своей тяжестью, пробуя на прочность мои нервы. Старик мог быть уже здесь, если он знал, куда идти. Рита открыла ему…

Но в доме я увидел только Риту. Она стояла посреди гостиной, на пути от арки к детской, и смотрела на меня пытливо, с подозрением. Она хотела знать, где я был, но молчала, предоставляя мне право читать ее по глазам.

– Ты одна? – спросил я.

Рита удивленно вскинула брови, повела взглядом влево, вправо. Как она может быть здесь с кем-то, если рядом никого нет? Но ее дедушка мог быть в детской, а Рита преграждала к ней путь. И она не подвинется, не позволит мне пройти, я почти уверен в этом. Не в настроении девочка, нет у нее желания любезничать со мной.

– Сколько твоему дедушке лет?

Рита кивнула. Много ему лет, но это не делает его менее опасным. Вот и весь ответ – на языке догадок. Вчера Рита умоляла меня со слезами на глазах, а сейчас и говорить не хочет, как будто я в чем-то перед ней провинился. Как будто она унижалась вчера, выпрашивая кров, а сейчас мстила мне за это.

Я косо глянул на Риту и направился к окну. Посмотрел вниз, окинул взглядом двор – подозрительного старика не было. Я почувствовал чье-то присутствие сзади, резко обернулся – передо мной стояла Рита. И смотрела куда-то вглубь меня, пытаясь проникнуть в душу, завладеть моими мыслями, подчинить их себе.

– Моему дедушке пятьдесят четыре года, – тихо сказала она. – Маме было семнадцать, когда я родилась. А мне уже восемнадцать. И у меня никто не родится… Но дедушка все равно будет стареть, и когда-нибудь он станет немощным. Когда-нибудь, но не сейчас… Ты можешь согнуть подкову?

– Никогда не пробовал.

– А он может. И раньше мог, и сейчас может.

– У тебя есть его фотография?

– У меня при себе ничего нет.

– А в интернете?

– В интернете нет меня. Мне там не место.

– Почему?

– Потому.

Рита неторопливо повернулась ко мне спиной. Футболка была плохо заправлена в спортивные брюки, задний край свисал хвостом, но что-то у меня не возникло желания поухаживать за девушкой. А ведь я был в нее влюблен… Или это самообман, который она сама же и разрушила своим поведением, подчеркнутым пренебрежением ко мне? А сколько недосказанности, двусмысленности, подозрений… Возможно, Рита – троянский конь, и она уже в моем замке, осталось только высадить десант и устроить мне ночь длинных ножей. Дедушка уже где-то рядом.

Рита исчезла, а я все провожал ее взглядом. Думал, переживал, терзался… Мог ли я выгнать ее? Вряд ли. Странная она девочка, непонятная, но, может, потому я и влюбился в нее. И это скорее всего вовсе не самообман. За дверь я мог выставить Риту только через свой труп. В своей же душе. Странная девочка, безумное наваждение, корнями вросшее в меня…

Я вспомнил про завтрак, заглянул в холодильник. Яйцо там, сливочное масло, колбаса на бутерброды, а чего мудрить? Вчера вечером я был в магазине, даже приготовил ужин – жаркое в горшочках, но Рита едва притронулась к нему. И о завтраке она не спрашивала, видимо, ей все равно.

Я приготовил яичницу, смастерил несколько горячих бутербродов, поставил чашку под лейку кофемашины, только тогда позвал Риту, но не услышал отклика. Что ж, если гора не идет к Магомету…

Рита сидела на диване за журнальным столиком и раскладывала пасьянс. Карты у меня были, новая колода лежала в шуфлядке гарнитурного шкафа, но я не разрешал Рите копаться в моих вещах. Значит, взяла без спросу, обычное дело в наших с ней отношениях.

– Завтракать давай, – сказал я.

Рита молчала и увлеченно, если не сказать завороженно, раскладывала карты. Это был какой-то странный пасьянс – шесть карт в два ряда по три, четыре валета, крестовые дама и король. Сверху эти карты покрывались другими, затем все складывалось в одну колоду – стопка за стопкой по часовой стрелке. Рита шесть раз сдвинула колоду, перемешивая карты, снова разложила их «рубашками» вверх.

В одной такой стопке обнаружились все четыре валета, крестовые дама и король. Рита ничего не сказала, снова разложила «фигуры» в два ряда по три, накидала на них карты. Ее завороженность передалась мне, я загипнотизированно наблюдал за руками, за перемещением карт. И кивнул, когда четыре валета, король и дама вновь оказались вместе в одной стопке. И вздрогнул, когда Рита заговорила.

– Никуда они от нас не денутся, – сказала она весело, но с каким-то зловещим оттенком в голосе.

– Кто «они»?

Я звал Риту на завтрак, минут десять стоял рядом с ней, но только сейчас она, как могло показаться, заметила мое присутствие. И глянула на меня как на инородное тело в мире королей, дам, валетов.

– Тебя там нет, – сказала она.

– Это плохо?

– Ты даже не представляешь, насколько это хорошо. – Рита пристально смотрела на меня и снисходительно улыбалась.

– А ты объясни.

Рита кивнула, но ничего не сказала, взяла трех валетов из стопки, оставив одного, бубнового, сложила их вместе, посмотрела на меня и разорвала карты пополам – с мгновенным ожесточением во взгляде. Выпуская из пальцев половинки карт, мило улыбнулась.

– А что там на завтрак? – спросила она.

– Ничего особенного. – Я потрясенно смотрел на обрывки карт.

Все половинки лежали на полу, ни одна не задержалась на столе, где в окружении других карт лежал, испуганно глядя на меня, бубновый валет. Он, казалось, хотел мне что-то сказать, но никак не мог разжать губы. А крестовая дама смотрела на меня с высокомерным ехидством, действительно, как я мог позволить какой-то выскочке надругаться над своими картами? И как она посмела взять их!

Рита позавтракала с аппетитом, сказала «спасибо» и даже помыла за собой тарелку. После чего скрылась в своей комнате, оставив на журнальном столике уже не нужные карты. Слышно было, как щелкнул замок.

Я поднял с пола обрывки карт, выложил их на столик, соединил. Валеты равнодушно молчали, глядя куда-то в пустоту с рисованными улыбками на губах; хоть бы намеком кто сказал, в чем их обвиняет Рита. Обвинение, приговор, казнь – все уже свершилось, причем на моих глазах. И, возможно, против меня.

Я вернулся в свою комнату, погрузился в игровое кресло, которое любил за удобство и функциональность. Включил компьютер, ввел пароль, в котором, честно говоря, вовсе не нуждался – до недавнего времени, пока Рита не

почувствовала себя полной хозяйкой в моей квартире. Она могла без спросу залезть куда угодно, хоть в компьютер, хоть в мою голову.

Пароль я вводил «дедовским» способом, через клавиатуру, хоть знал о существовании программы распознавания лиц. В компьютер можно было входить через глазок видеокамеры, но я не хотел заморачиваться с установкой программы. А сейчас вдруг захотелось заполнить этот пробел, прежде всего из-за Риты, чьи фотографии могли гулять по бескрайним просторам интернет-вселенной. Мне нужна была информация о ней.

Осененный идеей, я поднялся из-за стола, вышел из комнаты, постучал в соседнюю дверь.

– Открыто! – донеслось из комнаты.

Я помнил щелчок, с которым Рита заперла себя в детской, но дверь действительно была открыта. Рита лежала на заправленной кровати с книжкой в руках.

– Не скучно? – спросил я, кивком показав на выключенный телевизор.

Рита слегка сощурилась, пытаясь угадать в моих словах подвох.

– Ты не видела мой компьютерный корабль.

Мое игровое место действительно заслуживало внимания своим футуристическим видом. Кресло, достойное капитана космического корабля, большой монитор, как окно в звездную вселенную. Даже игра есть, в которой корабль идет по Млечному Пути – туманности, скопления звезд, планеты, которые можно посетить с риском для сохраненной жизни.

– Капитанский мостик? – поднимаясь, с иронией спросила она.

– Могу уступить штурвал.

– И что для этого нужно? – Рита не сводила с меня глаз.

Не верила она в искренность моих намерений, как будто сам нечистый нашептывал ей на ухо.

– Всего ничего. – Я поднял руку, в которой держал смартфон. – Научим программу распознавать твою внешность, будешь капитаном.

– Ты меня обманываешь. – Рита смотрела, как девочка, которую бросал отец, придумывая в свое оправдание глупые небылицы.

На ее глаза навернулись слезы, нижняя губа поднялась, толкая верхнюю – вот-вот, казалось, девочка расплачется. И я почувствовал себя бессовестным отцом, даже виновато отвел взгляд. И еще меня слегка повело в сторону, свет солнца брызнул в глаза, ослепил, обострив чувство вины. Если уж меня наказывают свыше, значит, я на самом деле поступил как минимум подло.

– Но, если хочешь, сфотографируй.

Рита глянула на меня с укором, но вместе с тем, казалось, она готова была пожертвовать собой ради моего блага. Хоть на плаху, хоть в петлю, лишь бы у меня все было хорошо – именно так я и должен был думать.

– Только не обманывай, – добавила она.

– Да я не обманываю, твоя фотография – это пароль в мой компьютер.

– Мне там неинтересно.

– Ну нет, так нет…

– Но ты давай, фотографируй, – кивала Рита.

Она теребила завязочку на своих брюках, как будто собиралась их снять, а затем и полностью раздеться. Как будто я был фотографом, который раскручивал бедную сироту на эротическую сессию. Если мне нужно, она готова, но пусть это безобразие остается на моей совести.

Звонок в дверь стал для меня спасением, лазейкой из скользкой ситуации. Но в прихожей я спохватился: вдруг это пришел дедушка, которым Рита меня пугала? Если так, то появился он как раз вовремя: сейчас у него имелся повод придраться ко мне. И в обмане можно обвинить, и в домогательстве – достаточно будет Рите показать на меня пальцем, и дедушка спустит собак.

Но переживал я напрасно. На пороге стояла Элли, я увидел ее на экране домофона. Высокая прическа, спокойный макияж, закрытое платье с бантом вместо декольте – ко мне пожаловала элегантная скромность в дорогой упаковке, и без мужа. При всем своем противоречивом отношении к бывшей жене я обрадовался: кто-то же должен был разложить по полочкам мое разобранное и рассыпанное сознание. Элли не позволит мне сойти с ума.

Дверь в тамбур открывалась автоматически, достаточно было нажать на кнопку домофона. Я впустил Элли в дом, она прильнула ко мне, поцеловала в щеку, от нее вкусно пахло дорогими духами с цветочным ароматом, на ум пришел букет красивых, но вчерашних роз из чужой вазы. Букет этот шевельнулся в сознании, легонько царапнув шипами подкорку, я почувствовал и ревность, и злорадство одновременно.

Раньше Элли не жаловала меня такими визитами, а я о них мечтал. Думал, вот придет она, бросится на колени, станет молить о прощении, а я буду возвышаться над ней, как Отелло над Дездемоной, и морально ее душить. И вот этот момент настал, только вот что-то нет желания становиться в позу.

Но возникали вопросы. А, собственно, с какой этой радости Элли занесло в мои объятия, и почему ее поцелуй не очень-то похож на дружеский? Между нами – остывшее пепелище, но никак не дружба, нас разделяли взаимные обиды и претензии, и вдруг нежданно-негаданно Элли выбрасывается на мой берег самкой дельфина.

– Ты, наверное, удивлен? – спросила она, цепляя свою сумочку на крючок вешалки, как она обычно это делала, когда приходила с улицы.

Я улыбнулся, не размыкая губ. Элли не видела во мне мужа, но все еще чувствовала себя хозяйкой в моем доме. И еще я глянул на пуфик, на который она обычно садилась, подставляя мне сапог, если он плохо снимался с ноги. Но сейчас тепло, на ней туфли, она и сама их снимет, если захочет.

– Просто я хотела извиниться за Антона, – сказала Элли.

Улыбка сошла с моего лица, правая бровь настороженно приподнялась. Антон, конечно, сволочь, но с чего это Элли за него извиняется? В чем подвох?

– Он так орал на тебя… Ты не помнишь? – догадалась она.

– Наверное, ты зря пришла.

Я помнил, как Антон гнал меня домой, в ушах еще гуляло эхо его крика, но само событие осталось за рамками памяти. Не знаю, как там на меня орали, как позорили перед людьми, но, если Элли решила извиниться за мужа, значит, Антон перегнул и даже сломал палку. Если так, то сам пусть приходит и просит прощения. Могу даже предложить подушечку для коленопреклонения.

Открылась дверь, из комнаты вышла Рита, в костюме, с книжкой в руке – милая, нежная, с невинным взглядом юного неискушенного ангела. Занавес поднялся, но вместо оваций наступила гробовая тишина, в которой нервно порхали веера – это Элли мигала в недоумении, а ресницы у нее густые, длинные.

Театральное представление началось с моей реплики, которая прозвучала неожиданно для всех, в том числе и для меня:

– Знакомься: Рита, моя дочь.

Как будто слепень за язык укусил, вот я и махнул им, как лошадь хвостом. Сначала сказал, а потом подумал. Но сразу же нашел объяснение. Только моя дочь могла носить костюм Элли… Или нет?

– Дочь?! – Элли не могла в это поверить.

И у нее на то имелись веские причины. Шесть лет она не могла стать матерью по моей вине, и тут вдруг появляется чудо из далекого прошлого.

– Помнишь, ты спрашивала меня про Катю?..

Обручальное кольцо я надел в двадцать шесть, разумеется, до этого у меня были женщины, но в семейный альбом родителей попала только Катя, моя одноклассница. Она провожала меня в армию, полтора года честно ждала, а потом вышла замуж, возглавив список предательств, в конце которого фигурировала моя бывшая жена.

– Ну, может быть… – Элли выдавила из себя улыбку.

В конце концов, не с ее колокольни устраивать мне сцены ревности, у самой купол с трещинами.

– Ты говори, говори… – усмехнулась Рита, поворачиваясь к нам спиной.

Дверь она закрыла тихо, но у меня почему-то зазвенело в ушах, а в зрительном зале кто-то засмеялся и запустил в меня помидором.

– Что-то ты темнишь, Никаноров? – Элли смотрела на меня с осуждением и едкой насмешкой.

И всей ладонью оттягивала указательный палец правой руки, она всегда так делала, когда злилась и хотела меня наказать.

– Да нет. – Я не мог идти на попятную, это не в моих правилах.

Врать нужно до упора и лучше всего с улыбкой. Это неписаное правило бизнеса должно преподаваться в школе – кому-то наука, кому-то предупреждение.

– Стыдно стало? – Элли звонко щелкнула пальцами и улыбнулась, как она это делала, когда находила объяснение необъяснимому.

Я помнил, как в свое время она оправдывала свое предательство. Оказывается, у нее просто не было иного выхода, кроме как уйти к Антону. Ни много ни мало, Элли встала на мою защиту. Антон мог разорить меня дотла, но ее ход конем предотвратил катастрофу, и тридцать процентов акций остались в моей собственности.

По разводу Элли могла забрать половину от этой доли, но нарочно оставила за мной весь пакет, закрыв его своей грудью как в прямом, так и в переносном смысле. Она стала гарантией моей неприкосновенности, ничуть не стесняясь снимать в свое личное пользование сливки принадлежащей мне доли, причем на законном основании – с подписями в договоре… Я мог смеяться над ее жалкими потугами выставить себя в благородном свете, но ведь в чем-то Элли права: Антон действительно мог оставить меня ни с чем.

– С чего бы это?

– Зря… Некрасивая девушка – это не приговор. – Элли поправила локон, с тихим искренним обожанием глядя на себя в зеркало. – И не надо ее стесняться.

– Рита – некрасивая? – Я ехидно усмехнулся, взглянув на нее.

Укол шпилькой – типичное женское оружие, но пользоваться им нужно грамотно, в меру, а то и до конфуза недалеко.

– Ну, да, свой ребенок – самый красивый… Только Рита – чужая дочь, и ты прекрасно это знаешь.

– Все сказала?

– Да ты не обижайся… Кто еще тебе скажет, как не родная жена?

Мои брови взлетели вверх, но Элли это ничуть не смутило. И улыбнулась она с истомой в глазах, как будто собиралась поцеловать меня в губы, как жена мужа.

– Ты можешь жениться хоть сто раз, все равно я останусь твоей первой женой.

И она действительно поцеловала меня в губы, но быстро, на прощание. Забрала сумочку и ушла, оставив сладкий запах духов и воспоминаний. Элли всего тридцать – зрелая молодость, рафинированная красота, знойная сексуальность – и все это принадлежит другому, она снова уходит к нему.

Но мне почему-то все равно. Да, на душе осадок, но сердце не щемит, ревность не хватает за горло, выдавливая из глаз слезы. Элли мне больше не нужна.

Рита приоткрыла дверь, высунулась из комнаты. Она смотрела на меня одним глазом. Ее забавляла ситуация, которую я так опрометчиво создал, она хитро и вкрадчиво улыбалась.

– Папуля!

Я тоже улыбнулся, но только одной половиной лица.

– Это кто был? Твоя жена?

Рита сделала шаг, поворачиваясь ко мне левым боком, остановилась и снова прицелилась через кончик носа, но уже другим глазом.

– Бывшая.

– Ты правильно сделал, что развелся с ней. Нельзя жить с глупой женщиной.

Рита плавно шагнула ко мне, поворачиваясь правым боком. Правый глаз она закрыла и смотрела на меня левым, через переносицу.

– Ты ее не слушай, на самом деле я красивая.

– Согласен, – кивнул я, присматриваясь к девушке.

Глазастенькая, курносенькая, с ямочками на щеках – все хорошо, только вот овал лица не совсем правильный, рот несоразмерно маленький, надбровным линиям не хватало изящества. А у Элли внешность эталонная – совершенные черты, безупречные пропорции, идеальная симметрия. Но Рита завораживала, а Элли – нет…

– Я очень фотогеничная.

Рита подошла близко-близко, прижалась ко мне левым боком. Я захмелел от прикосновения, от запаха волос и желанного тела… Ну какая же она мне дочь? И кто дернул меня за язык?

– Да, наверное, – туго соображая, кивнул я.

– Не наверное… – Рита повернулась, прижимаясь ко мне животом. – Можешь меня сфотографировать! – сказала она и, с силой отталкиваясь от меня, добавила: – Папочка!

– У меня правда может быть дочь твоего возраста, – пытаясь унять волнение, пробормотал я.

– Откуда ты знаешь, сколько мне лет? Может, мне четырнадцать?

Мне вдруг стало жарко, щеки стали горячими, во рту пересохло, а лоб, напротив, увлажнился. Мне было так стыдно, как будто я уже переспал с Ритой.

Она смотрела на меня пристально, в упор, с нахально-каверзной улыбкой на губах. Рита видела мое смятение, ей было весело, но меня это почему-то не злило, хотя чувство стыда не отпускало.

– Но ты же ко мне не приставал?.. – с подначкой спросила она. И сама же ответила, пытаясь изменить женский голос на мужской: – Ну, если только мысленно!

Я не знал, чем от нее отбиваться, меня хватило только на очередную глупость.

– Изыди! – ляпнул я.

Но как ни странно, это подействовало. Рита будто очнулась, оторопело посмотрела на меня, перезагружаясь, перемещаясь из одного состояния в другое.

– Мне восемнадцать лет, – тихо сказала она. – И ты ко мне не приставал.

– И еще ты очень фотогенична, – вспомнил я.

– Да.

– Проверим?

Я взял смартфон, перевел его в режим камеры. Рита кивнула, соглашаясь позировать, приосанилась, улыбнулась с робким кокетством, а я нажал на кнопку, оцифровывая прекрасный девичий образ.

Ее фотокопия действительно выглядела лучше, чем оригинал, – меньше естественности, больше подчеркнутости. А если еще студийную фотосессию провести…

– Ну как? – спросила Рита.

– Пока никак, – качнул головой я. – Промыть, проявить, закрепить, отпечатать.

На самом деле даже я не знал, не видел, как проявлялись и распечатывались фотографии с пленки, а современная молодежь и вовсе представления об этом не имела. И все же Рита меня умыла.

– Пленку просушить забыл, – насмешливо сказала она.

Я улыбнулся, вспомнив ее с книгой в обнимку. Читающий человек не может быть невеждой.

– Пойду просушу, – кивнул я, открывая дверь в свою комнату.

Рита потянулась за мной, я почувствовал ее пальцы на своей руке, остановился.

– Ты со мной? – спросил я.

– Мы не можем быть вместе. – Она вздохнула, как будто сожалела об этом.

– Почему?

– Ты сам все узнаешь, – поворачиваясь ко мне спиной, дрогнувшим голосом сказала она.

Я качнул головой, глядя, как Рита скрывается в своей комнате. Она бросила на меня прощальный взгляд, обреченно вздохнула и стремительно закрыла дверь, как будто отсекала прошлое от настоящего. Меня ждала какая-то страшная тайна, я чувствовал это на всех семи уровнях своего сознания, но за компьютер все же сел.

Глава 3

Над головой – засиженный мухами потолок, лампочка мерцает, светить ей осталось совсем чуть-чуть. Над ночным кладбищем – мертвая тишина, покойники спят под своими крестами, их души фосфорными огоньками парят над могилами.

И лампочка должна умереть, и люди, которые выпивали под ней: неряшливый сторож с бородой, его дружок такой же заплеванной внешности, с обрезанным ухом. Лампочка перегорала, а выпивохи разливали по стаканам паленую, смертельно ядовитую водку. Осталось только выпить, и все…

Но шумно захлопнулась дверь в сторожку, корноухий встревоженно пожал плечами. Все это время дверь оставалась закрытой, как она могла с шумом захлопнуться? Сторож тронул собутыльника за плечо, поднял стакан – не стоит отвлекаться, забивать голову шарадами. Кладбище вокруг, у чертовщины здесь постоянная прописка. Но за окном громко-громко крикнул сыч, корноухий со страху подскочил, рванул прочь из сторожки. И застыл как вкопанный, увидев девушку в белом саване, которая шла к нему. Волосы распущены, руки раскинуты, глаза широко раскрыты, лицо иссиня-бледное, губы кроваво-красные. Корноухий охнул, схватился за сердце, осел на землю и лег на спину, откинув руку. А покойница продолжала свой путь, не замечая его. Она шла к воротам, в живой мир…

Такую вот картину быстрыми, жирными мазками создало мое взбудораженное воображение. А на мониторе высвечивалась реальная картинка – гранитный памятник с ангелом, гравированное изображение красивой девушки с нежной улыбкой и надпись: «Тихомирова Елена Романовна. 1983–2003 гг.». Фотографию с памятника выдала мне программа идентификации по внешности – в ответ на изображение Риты. Сходство практически стопроцентное. А история фотографии с памятника отражена в газетной заметке о происшествии на кладбище.

Это случилось в конце прошлого лета на одном из подмосковных кладбищ. Сначала сторож и его собутыльник увидели Тихомирову, а затем – ее разрытую могилу. Больше покойница на кладбище не возвращалась.

– Все там будем, – тихо сказала Рита.

И мягко коснулась меня рукой. Я дернулся, повернулся к ней, чувствуя, как отнимается плечо, которого коснулась ее рука. Я даже не заметил, как Рита подошла, настолько сильным было мое потрясение. А может, она появилась из ничего, телепортировалась, как это свойственно привидениям и прочим потусторонним явлениям.

– Это же не ты? – спросил я, кивком показывая на фотографию.

– Хочешь, чтобы я тебя успокоила? – усмехнулась она.

– Но ты же живая.

Я поднялся с кресла, повел рукой, хотел прикоснуться к Рите, но не хватило решимости. Я замер как обесточенный башенный кран.

– Ну и что ты остановился? – Рита смотрела на меня, не мигая.

Она взяла меня за руку, я дернулся, как тот самый кран, в электромотор которого попала шаровая молния. Но предохранители не сгорели, я остался в сознании.

– Теплая рука? – спросила она.

Я кивнул. И рука у Риты теплая, и сырым тленом от нее не пахло.

– Во мне все живое.

Она прильнула ко мне, плотно прижалась, и я снова испытал на себе пробивающую мощь ее ударной волны. Жаркая пульсация ее тела передалась мне, две страстные энергии слились в одну, голова перестала соображать,

мыслительный процесс переместился куда-то вниз, но Рита вдруг отстранилась. И посмотрела на меня с иронией умудренного вечностью человека.

– Это твоя сестра! – Я кивнул на монитор, который никак не хотел гаснуть.

– Во мне все живое, – повторила Рита. Взгляд ее затуманился, затвердел. – Только душа мертвая.

– Сестра-близнец. – Я не хотел ей верить.

Рита повела бровью, предлагая мне опровергнуть самого себя. Я качнул головой, отказываясь уходить во тьму, но мысли сами бежали туда. Близнецы рождаются в один день, сестре Тихомировой было бы сейчас тридцать шесть, но Рита выглядела очень молодо, максимум на двадцать – столько лет было Лене Тихомировой, когда она погибла, утонула в реке.

Рита кивнула, гипнотически глядя на меня, она как будто соглашалась с моим опровержением. Холодный сумрак вливался в мою душу, я вдруг почувствовал себя воющим на луну волком.

– Элли тоже выглядит молодо, – сказал я.

Рита качнула головой. Одно дело выглядеть и совсем другое – быть молодой. Элли уже тронута увяданием, а Рита свежа, как утренний цветок на мокром от росы стебле. Даже смерть не властна над ней.

– Ты меня дурачишь, – сказал я, отмахиваясь от самого себя.

– Ты сам хотел узнать правду. – Рита вздохнула, как будто волновалась, но голос ее звучал ровно, без малейшего дрожания.

– Сначала ты была котенком…

– Котенка ты придумал сам, а это все – правда. – Рита повела рукой в сторону монитора.

– Лучше бы ты оставалась котенком.

Рита восприняла мои слова всерьез. Линия ее губ стала жестче, глаза увлажнились от подступающих слез.

– Меня утопили, как котенка, – сказала она.

– Утонула в реке, – поправил я.

Елена Тихомирова утонула, но где – в реке, в озере, в море – я не знал: не успел прочесть, а может, в заметке и не было таких подробностей. Но утонула и утопили – это несколько разные вещи, и мне захотелось поймать Риту на несоответствии, уличить в обмане. Рита разыграла меня, сейчас она признается в этом, и мы вместе посмеемся над ее удачной шуткой.

– Меня утопили в озере.

– Кто?

– Их было четверо…

– Я тебе верю, – кивнул я.

– Потому что все так и было.

– С тобой?

– Я устала… Я очень быстро устаю, – тускло, с чувством вины улыбнулась Рита.

Она вышла из комнаты, тихо и плотно закрыв за собой дверь. А над местом, где она стояла, появился паучок; помогая себе лапками, он быстро спускался на тонкой ниточке, поблескивающей на солнечном свету. Я глянул на пол – вдруг там после Риты остался червячок? Ничего такого не было, но мимо меня, задев ухо тонким гулом, пронеслась жирная муха, она летела к двери, там она и пропала – или сквозь стекло пролетела, или где-то села.

Я долго стоял, как истукан на брошенном капище, наконец, очнулся, тихонько вышел из комнаты. Рита устала, легла отдохнуть, но вряд ли она спит, скорее

всего читает, вспоминая с улыбкой, как запудрила мне голову. Сейчас я открою дверь, она услышит меня, вздрогнет, оторвет взгляд от книги, и мы все-таки посмеемся над ее шуткой.

Но вдруг Рита лежит на диване мертвая, и ее лицо стремительно покрывается струпьями, губы мокнут от гноя. Вдруг покойница вскочит, набросится на меня?.. Дверь я открывал дрожащей рукой, сравнивая себя со старым холодильником – снаружи трясет, изнутри все леденеет.

Риты на кровати не было, но, возможно, покойница стояла за дверью, выжидая момент для нападения. Но если я остановлюсь, если отступлю, то потеряю всякое уважение к себе. Нельзя поддаваться панике, нужно двигаться вперед…

Кто-то появился сзади, положил руку мне на плечо. От неожиданности я дернулся, даже, кажется, вскрикнул. Но только от неожиданности…

Это была Рита. Она молча смотрела на меня, изображая непроницаемое спокойствие, на шее от волнения пульсировала жилка.

– Я жду объяснений. – Я тоже попытался изобразить невозмутимость, но голос предательски дрогнул, соскочив на петушиные нотки.

– Мы не можем быть вместе, – не сводя с меня глаз, тихо сказала Рита.

– А мы должны быть вместе?

– А разве ты этого не хотел? – едко усмехнулась она.

И даже не вздрогнула, когда в дверь позвонили, как будто ждала этого.

– Дедушка? – вырвалось у меня.

– Дедушка давно уже не живой, – печально и одним краешком губ улыбнулась она.

– Да ну тебя!

Я обогнул Риту, остановился и, не оборачиваясь, выдал:

– Никогда не подходи ко мне сзади. Никогда, слышишь?

– Скоро я совсем уйду, – прошептала она.

Мне стало жутко и тоскливо одновременно. Вместе с Ритой исчезнет страх и неизвестность, но вдруг вместе с этим она заберет и мою душу?

За дверью стоял Антон, плотный и коренастый, как белый гриб на толстой короткой ножке. Прилизанные волосы, похожие на приклеенный к голове парик, узкий лоб, рассеченный надвое короткой глубокой бороздой от переносицы и вверх; брови густые, но бесцветные, отчего они выглядели так же блекло и даже нелепо, как бледная бородавка на щеке альбиноса. Нос вроде бы ровный, нескошенный и несплющенный, но со следами переломов, хрящ ему сращивали раза три, не меньше.

Когда-то Антон всерьез занимался боксом, даже работал у кого-то телохранителем, оттачивал свое мастерство, поднимал неплохие деньги. В две тысячи четвертом он вернулся из Москвы в родной Ростов. Я в это время развозил грузы по городу на своей «Газели», дела шли неплохо. Антон предложил общий бизнес, вложил деньги, и пошло-поехало… Знал бы я, как все сложится, никогда бы не пустил этого козла в свой огород.

Антон был не в себе, красное лицо – яркое тому подтверждение. Возможно, он готовился к объяснению со мной, со своей женой, поэтому накручивал себя, набыченно, исподлобья глядя в глазок видеокамеры. И шевелил губами, как рыба в аквариуме. Антон мог наброситься на меня. Руки у него хоть и короткие, но сильные, удар тяжелый, быстрый, не хотелось бы попасть под такой. Но уж лучше драться с Антоном, чем сходить с ума с Ритой.

Я и сам умел бить быстро, мощно, с натиском, для этого мне нужно было всего лишь настроиться. Открывая Антону дверь, я наклонил голову, приподнял правое плечо, превратив руку в хлесткую плеть, которая в момент удара должна была стать несгибаемым молотом. Антон почувствовал мой боевой настрой, окинул меня оценивающим взглядом.

– Почему сразу не открыл? – спросил он.

– Сразу и открыл. – Я не смотрел ему в глаза, а наблюдал за его руками, в готовности отреагировать на опасное движение.

В драке с ним нельзя отступать, ошеломить его можно только встречным напором, а дрогнешь – сомнет и раздавит.

– Где Элли?

– Ты пьяный?

– Я знаю, она поехала к тебе.

– Не знаю, что там и у кого поехало.

– Я зайду!

Антон шагнул на меня, и я отошел в сторону. Нет у меня Элли, и чем быстрей он в этом убедится, тем скорее отвалит.

Первым делом Антон осмотрел прихожую – нет ли женских туфель и сумочки? На кухне – никого, и в гостиной ни души. В спальне Антон заглянул в шкаф, не обошел стороной и балкон. Я не скрывал насмешки, наблюдая за ним. Нельзя унижать себя недоверием к собственной жене.

Улыбка оставила меня, когда Антон открыл дверь в детскую. Перед глазами пронеслась белая кошечка в аварийном отсеке, фотография Елены Тихомировой на памятнике у разрытой могилы. Сейчас Рита могла превратиться в Элли, я подумал об этом всерьез, без всякой иронии: сдвиг по фазе в моем сознании позволял мне скатиться в любую, даже самую бредовую фантазию. Комната пустовала, покрывало на кровати разглажено, подушка уложена ровно, но меня это не успокоило. Сейчас Антон полезет в шкаф, а там Элли…

– Ты бы ей позвонил, – сказал я.

– Да? – Антон озадаченно замер, зыркнув на меня.

Достал телефон, набрал номер. Я слышал, как в трубке тянутся длинные гудки, а в комнате не звонит, значит, мобильник Элли откликается где-то далеко, точно не в моем шкафу. И ее голос я услышал только в трубке.

– Ты где? – спросил Антон.

Элли ответила, слов я не разобрал, но уловил возмущение в ее интонациях.

– Все! – отрезал Антон, отключая телефон.

И протянул мне трубку, как будто брал ее у меня. Я выразительно посмотрел на него, он хмыкнул, насмехаясь над собой, сунул смартфон в карман.

– Свободен, – сказал я, взглядом показав на дверь.

– Выпить есть? – спросил он, усаживаясь на диван.

По всем канонам, мне стоило поднять его на смех и выставить за дверь, но я достал из бара бутылочку «Джека», пару стаканов. После Риты мне нужен был сильный антидепрессант: или я поставлю блокировку на психику, или окончательно сойду с ума. А с кем пить, без разницы.

Выпили, не чокаясь, как будто за помин души. Я мрачно усмехнулся, вспомнив девушку с надгробной плиты. Если Рита – воскресшая утопленница, мне просто необходимо помянуть ее. Тогда ее душа освободится, а с телом пусть разбираются полиция и похоронная служба. Мне будет больно, но я переживу…

– Еще! – потребовал Антон.

– Случилось что? – спросил я.

– Случилось… Ты это, извини, что я на тебя наорал, – не глядя на меня, но с оттенком раскаяния в голосе сказал Антон.

Я не помнил, как было дело, поэтому не знал, можно его прощать или нет. Да и зачем? Дружбы все равно нет, одна вражда, и я уже привык так жить.

– Будем! – поднимая хайбол, сказал я.

На этот раз мы чокнулись, но как-то неловко, без души. На третьем заходе стаканы стукнулись звонче, но закончилось горючее. К счастью, за дозаправкой далеко ходить не пришлось. И в первой бутылке – ноль семь литра, и вторая – на столько же. Резко мы начали, как бы не свалиться в штопор, но виски сам по себе – напиток для бесстрашных людей: чем больше пьешь, тем смелее становишься. И вторая бутылка не выдержала нашего натиска, до полной капитуляции оставалось совсем чуть-чуть.

– Нехорошо как-то все получилось, – глядя на меня осоловевшими глазами, тяжело проговорил Антон.

– Все нехорошо, – кивнул я.

– Все!

Вряд ли его стон был криком души, но раскаяние в нем звучало уже явственно. Антон тупо смотрел на свою руку, медленно и с нажимом загибая на ней пальцы.

– Что все? – спросил я.

– Ну, с Эллой все ясно, – выдавил он.

– Что ясно?

– Ну позавидовал я тебе… Элла – это Элла! – Антон сжал кулак, поднимая руку. – А ты, Макс, ни о чем…

Этой же рукой он и махнул на меня, оскорбляя и унижая.

– А ты о чем?

Я резким движением сдвинул журнальный столик, за которым он сидел, встал перед ним в позу сумоиста, вызывая на поединок. Антон кивнул, поднялся, наши лбы столкнулись в жесткой смычке, я с силой надавил, но и он ответил тем же.

И лоб у него крепкий, и силы – как у дурака свистулек, но я не имел права сдаваться. От натуги я крякнул, в шейных позвонках что-то щелкнуло, голова резко закружилась, но качнуло и Антона.

Я приземлился на пол, а он сел на столик, захрустели тарелки, лопнул стакан, сочно шлепнулся на пол соленый помидор, стукнулась и покатилась по полу бутылка. Антон замер, но цепная реакция продолжалась – с треском подломилась инкрустированная ножка, столешница наклонилась и вместе с седоком пошла на жесткую посадку. Я и сам не понял, как вскочил, схватил Антона за руку и потянул на себя. На пол мы бухнулись вместе. Голова кружилась – не подняться.

– Ты как? – спросил Антон.

– Ни о чем.

– Да ладно тебе!

– Не ладно.

– Может, и вернется к тебе Элли.

– Не понял.

– Ну, если меня утопят.

– В бухле?

– В озере… Костюху там утопили…

– Какого Костюху? – не понял я.

– И Джима – там же, в проруби… Зимой… А Игарика летом… Бабьим…

– Ты что курил?

– Я не курил… – закрыв глаза, мотнул головой Антон. – Мы тогда на колесах были…

– Когда тогда?

– Когда русалку делали.

– Ты бы завязывал с колесами.

– Она тогда еще не была русалкой, а как стала, так и началось…

– Пора заканчивать, – сказал я, глянув на бутылку, горлышко которой выглядывало из-под занавески, подмигивая мне пустой глазницей.

Клин выбивают клином, но костер бензином не тушат, простуду сквозняком не лечат, и нельзя одним безумием заглушить другое. Пора завязывать с выпивкой, пока черти не пришли. Они где-то рядом, скребутся в дверь, но в голову еще не залезли. Антона нужно к ним отправить, сам там пусть разбирается со своими русалками. А мне Риту нужно найти, вдруг она до сих пор в шкафу сидит. И разлагается, истекая и размокая. Брр!

Меня аж передернуло изнутри. Захотелось добавить, но в баре только водка – чистая как слеза, крепкая как дубовый гроб… Я мотнул головой, поднимаясь с пола, – определенно нужно выпить.

– Сначала она Игарика забрала, – запинаясь, проговорил Антон. – Потом за Джимом пришла… Потом Костюха… Я следующий…

– Ты четвертый, – открывая створку шкафа, сказал я. – А следующая – третья…

Я взял бутылку за горлышко, приложил к ней ладонь, пожал плечами. Сейчас не важно, холодная водка или теплая, лишь бы градус по крови разносила да тревоги вымывала, как песок из «ливневки» – под напором дождевой воды.

– Там у нас… – Антон вяло щелкнул пальцами, не зная, в какую сторону показать. – Ситуация не очень хорошая… А может, оно так и нужно.

– Что нужно?

Я вынул из шкафа чистую рюмку, зачем-то дунул в нее.

– Все нужно… Я перед тобой, Макс, в таком долгу…

Я кивнул, соглашаясь. Долг у Антона передо мной большой, рюмки будет мало. Я взял граненые стаканы, налил ему, потом себе.

– Я-то, конечно, выкручусь… – думая о чем-то своем, пробормотал он. – А если нет, так тому и быть…

– Пей давай… – Я подал ему стакан. – Поверь, это лучше колес.

Антон широко кивнул, взял стакан и залпом выпил.

– Мы не на поминках, – напомнил я.

Антон долго молчал, думал, наконец, выдал:

– Я тебя к себе на поминки не позову.

– Ай да молодца! – фыркнул я.

– Я серьезно… Если вдруг, ты не приходи. Пусть Элли без тебя там…

– Я тебе больше не наливаю.

– А на посошок?

– На посошок налью.

Я подал Антону стакан, чокнулся с ним, он выпил, а выдыхая, проводил хлынувшую в желудок водку движением руки от шеи к животу, отрыгнул и уронил голову на грудь. Но мне уже было все равно, уедет он или останется. Сейчас допьем и спать. Это же так здорово – погрузиться в тихое спасительное

забытье и не думать о Рите, как о трупе, который уже, возможно, разлагается в платяном шкафу.

– Вызови мне такси… – не открывая глаз, пробормотал Антон. – Нельзя мне за рулем. Вода там на дорогах, утонуть можно…

– В голове у тебя вода, – хмыкнул я.

Антон распахнул глаза, повернулся ко мне, но посмотрел в себя, в свою голову, вдруг там действительно вода, в которой можно утонуть?

– Ладно, пойду я.

Он поднялся, отряхнулся, пошатнулся, поворачиваясь ко мне спиной, повел рукой в поисках опоры, но я не подставил ему свое плечо. Зато схватил за шиворот, помогая восстановить равновесие. Не очень это дружелюбно, но Антон благодарно кивнул.

Я вздрогнул, услышав, как открылась дверь в детскую. Поворачивая голову на звук, я представил отвратительную зомби в паутине вздувшихся вен, заполненных мертвой черной кровью, с жуткими рваными ранами на лице, шее, руках, в грязных обносках. И надо сказать, воображение не зря настраивало меня против Риты, она действительно выглядела ужасно. Прожилок не было, ран и струпьев тоже, но меня поразила ее белая, как мел, кожа, могильная темнота под глазами, губы баклажанного цвета, как будто Рита съела горсть черники, размазав ее вокруг рта. Белая футболка по колено смотрелась на ней, как саван на покойнице.

Антон испуганно шарахнулся от Риты, его и без того шаткая психика дала течь.

– Нет! – истерично вскрикнул он.

Рита смотрела на него глазами ведьмы, как будто хотела околдовать, превратить в жабу, она живо напомнила мне молодую панночку из старого «Вия».

Антона затрясло от страха, в любой момент его состояние могло переключиться с одной фазы на другую, тогда дурь ударит ему в голову, и он набросится на Риту с кулаками. Я знал, как это с ним бывает.

– Давай домой!

Я схватил Антона за руку, вытолкал его в прихожую, открыл дверь. Он уперся в дверной косяк, развернулся, но Рита уже исчезла.

– Где она? – охрипшим голосом спросил Антон.

– Кто она?

– Русалка!

– Белая горячка!

– Это не горячка… Это русалка… Холодная!

– Не было ничего!

– Да?.. Ну, хорошо…

Антон обулся, я выставил его за дверь, даже проводил до лифта.

– А тебя с нами не было? – спросил он, тугодумно вспоминая.

– Где не было?

– Ну да, ты из другой песни… И Джима ты не знаешь…

С глухим стуком раскинулись створки лифта, я помог Антону войти в кабину, фактически втолкнув его туда.

– Приедешь – позвони, – сказал я вместо прощания.

– Там телефонов нет, – едва слышно буркнул себе под нос Антон.

Створки закрылись, лифт уехал, и я повернул назад. Как он доберется домой? Где это «там» нет телефонов? Почему на дорогах вода? Не было желания искать ответы на эти вопросы, и без того мне хватало похоронных настроений. Одна Рита чего стоила.

Она лежала на кровати с книжкой в руках и преспокойно читала, поправляя на носу несуществующие очки. Лицо обычное, не белое, губы слегка подкрашены розовой помадой, футболка та самая, белая, но к ней прилагался и спортивный костюм.

– Это что за цирк был? – строго спросил я.

– Какой цирк? – Она удивленно посмотрела на меня поверх воображаемых очков.

Не было ничего, мне померещилось, пить надо меньше – это сквозило в ее глазах.

– Лежишь, читаешь?

– Лежу, читаю, – кивнула она.

– А я дурак.

Рита цокнула языком, насмешливо глядя на меня. Мы живем в свободной стране, и я имею право поставить себе любой диагноз, а она, так уж и быть, согласится с ним.

– Но я не дурак.

Я подошел к ней и провел пальцами по футболке. Мокро у нее там на груди.

– Ты что делаешь? – возмущенно спросила она.

– Белила смывала?

– Какие еще белила?

Я стремительно повернулся к двери, меня шатнуло, но торшер с бамбуковым плафоном помог устоять на ногах и продолжить путь. В стойке светильника, правда, что-то треснуло, но я не придал этому значения.

Раковина в ванной была мокрой, вокруг нее высыхали разводы после тряпки, которая лежала за тумбой, воткнутая в зазор со стеной. Этой же тряпкой Рита протерла наспех и пол, после того как умылась.

Я вернулся в детскую. Рита на меня даже не взглянула. Лежит, читает, с умильной улыбкой пощипывая себя за мочку уха.

– Ты умывалась! – сказал я.

От книги она оторвалась не сразу, ее взгляд, казалось, отлипал от строчки буковка за буковкой, как щупальце кальмара – присоска за присоской.

– И что? Тебе жалко воды?

– Мне жалко себя! – Я постучал себя по голове, но к звуку не прислушался.

А зря, возможно, там, под скальпом пустота: Рита ела мой мозг большой столовой ложкой.

– Кто ты такая? Как тебя зовут?

– Ты можешь звать меня Ритой.

– Какого ты года рождения?

– А какого тебе нужно?

– Все! Иди! – Я решительно показал пальцем на дверь.

– Куда? – Рита не столько спрашивала, сколько взывала к моему благоразумию.

Как бы мне потом жалеть не пришлось, внушала она.

– К своему чертовому дедушке!

– Дедушка уже умер.

– Вот к нему на кладбище и иди!

Рита резко поднялась, опустила ноги на пол и замерла. Уронила голову на грудь, тихонько всхлипнула, из глаз потекли слезы. Обычные слезы живого человека, наверняка теплые, как молоко матери. Рита, возможно, даже не знала вкуса этого молока, не кормила ее мать, не прижимала к своей груди, не пела колыбельных песен, а я, стоеросовый пень, посмел обидеть несчастную сиротку.

– Извини.

Я подсел к ней, обнял за плечи, она прильнула, положила голову на плечо. Я замер в страхе пошевелиться, спугнуть момент, душа развернулась, как теплый плед, под которым Рита могла укрыться от холода и бездушия шумящего за окном мира. Я ее укрою, закрою от бед.

– Фу! – втянув носом воздух, фыркнула она. И отстранилась, скидывая с плеча мою руку. – Что вы там пили?

– Да все как обычно.

– К тебе даже спичку не поднесешь, – улыбнулась она.

– Я буду дышать в себя.

– Ты же не рыба.

– А рыба дышит в себя?

– Рыба дышит водой.

– Водой, – кивнул я, вспоминая бред Антона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/vladimir-kolychev/devushka-s-belym-licom

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить